
ИНТРОДУКЦИЯ

ЖУРНАЛ «АЛЬТЕРНАТИВЫ» – ДИАЛОГ С ВРЕМЕНЕМ

К 20-летию выхода на русском языке

Науменко Лев Константинович – доктор философских наук, профессор, лауреат Государственной премии Казахской ССР

Несколько лет назад журнал «Альтернативы» стал для меня неожиданным и обнадеживающим открытием. Каза-

лось, что поколение, родившееся уже в царстве наживы, обречено искать дорогу в обманчивой полутьме. Ведь все живые источники света были заменены мертвыми зеркалами, светившими чужим, отраженным светом, преимущественно заокеанским. Осветите любой предмет из одной единственной точки – увидите только его половину, сразу потеряете и объем и перспективу, мир станет плоским. Поразительно, как быстро и легко унылое советское единомыслие сменилось еще более унылым либеральным одномыслием. Более унылым потому, что прежнее хотя бы обещало свет в конце туннеля. Новое возвестило «конец истории», объявив, что рыночный рай и есть оптимум исторически возможного. Этот «оптимум» несет с собой интеллектуальную и эмоциональную смерть.

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?

Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

(А. С. Пушкин)

Журнал и стал альтернативным источником прежде всего теоретического **освещения** событий, явлений, процессов.

Неверно, что постсоветское общество утратило идеологию. Оно просто обрело другую, тоже одномерную идеологию – идеологию радикального эгоизма, зоологического индивидуализма, хищничества: бизнес, только бизнес и ничего кроме бизнеса. Экономика – бизнес, политика – бизнес, образование – бизнес, медицина – бизнес, любовь – бизнес и бандитизм – тоже бизнес. Журнал стал одновременно и проводником альтернативного **просвещения**, взяв на себя не только научно-теоретические, но и просветительские задачи противостояния губительным «инновациям» в сфере образования, воспитания, культуры, нравственности.

О рождении журнала хочется сказать вот этими словами: «В те дни, как все коснело на Руси, дремля и раболепствуя позорно...». Журнал – независимый источник света, альтернативный и по отношению к казарменной идеологии, господствовавшей вчера, и по отношению к базарной идеологии, господствующей сегодня. Это – глав-

ное, это и есть его **позиция**. Это то, что выделяет журнал на общем фоне общественной мысли, склоняющейся (вольно или невольно) либо к рыночному, либо к имперскому фундаментализму. Важно то, что для журнала эти противоположности **мнимые**. Они лишь две стороны одного и того же явления – **глубинного разрыва** общего и частного, **отчуждения** ущербного, однобокого «моего» от столь же ущербного, однобокого государственно-бюрократического «нашего». Две тощие абстракции сталкиваются лбами на одной узенькой дощечке: хватучее «мое» и платоническое «наше».

Многочисленный авторский актив журнала, включающий и отечественных, и зарубежных авторов, ученых, общественных деятелей, журналистов, просто читателей, уверенно различает истинные и мнимые противоположности. Мнимые имеют общий, единый корень – глобальный капитал, превращенными формами которого эти противоположности и являются. Этот капитал глобален не только географически и экономически, но и культурологически. Он есть тот всеобщий эфир, который определяет удельный вес всего того, что в него попадает, выравнивает и унифицирует все различия, сводит все исторически, цивилизационно и национально своеобразное к всеобщему эквиваленту – монете. Поэтому-то по всему миру он воспринимается как сила враждебная. Проблема эта – интернациональная, и поиск решения ее тоже интернационален. Этот поиск и идет на страницах журнала.

Вспоминая публикации журнала за 20 лет, приходишь к выводу, что Россия вновь стала объектом «крутого» эксперимента. На сей раз на смену абстракции формального обобществления, породившего партократический бюрократизм, пришла не менее бешеная абстракция приватизации всего и вся, породившая еще более чудовищный и олигархический бюрократизм. Его эмблема – коррупция. «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайл» Крайности сходятся: левая перчатка, вывернутая наизнанку, становится правой. Экспроприация государственной собственности зеркально повторяет экспроприацию частной. НЭП ничему не научил? В который раз сбылись слова Маркса о том, что господство абстракций (под именем идей) над людьми есть не что иное как господство над ними их же собственных отношений. До тех пор, пока эти отношения складываются стихийно за спинами людей, преследующих свои частные цели, пока эти отношения не являются предметом коллективной, солидарной, сознательной творческой деятельности людей, пока люди не стали субъектами социального творчества, они будут марионетками этих социальных сил, персонифицированных или безличных, будут снова и снова наступать на грабли. Вот эта простая мысль и есть сквозная **красная нить**, направляющая двадцатилетний мониторинг событий. Это *credo* журнала.

Большой интерес представляет анализ попятного, реверсивного движения истории. Включили альтернативное освещение и сразу проявились отчетливые силуэты Деруновых и Разуваевых, городничих и городских, продажных судей и торгующих

солдатскими жизнями генералов, прокуроров и прокураторов, фигуристых казнокрадов больших калибров и высоких степеней во главе беспокойной оравы мелких хищников – свежей поросли «крапивного семени». Все они словно сбежали со страниц Гоголя, Островского и Салтыкова-Щедрина. Здесь же и Швондеры с Шариковыми. А с фольклорных страниц сбежали и brave ребята с кистенями, прихватив с собой веселые граффити со стен общественных сортиров. Вот суть и последствия эксперимента, предсказанные еще в первых публикациях журнала.

Какая же сила воскресила эти мертвые души? Журнал дает ответ. Эта сила – **псевдолиберальная буржуазная утопия**, воскресившая и духов еще более архаичных времен, ангажировавшая и интегрировавшая их. Дубинноголовые Коробочки из «плюсквамперфектума» (предпрошедшего времени) уже поют дребезжащими головами «Боже, царя храни!». Эту картинку мы недавно видели на экране. А в одном «региональном» издании пушкинской сказки «поп, толоконный лоб» был заменен на «купца Остолопа». Обмен эквивалентов, равного на равное? Или тут что-то другое? Разоблачению этой утопии посвящены страницы чуть ли не каждого номера журнала.

Нас спросят: «А при чем тут псевдолиберальная утопия?» Ответ очень прост: свобода («либерте») всегда шла в одной упряжке с равенством («эгалите») и братством («фратерните»). Равенство выпрягли, над братством посмеялись. Осталась «либерте» – свобода «резать или стричь». Теперь она пошла в одной упряжке с новой тягловой силой – «элитой». Телегу все дальше заносит вправо.

А может быть, журнал преувеличивает и раздувает древние фобии? Разве на дворе не «стабилизация» в паре с «модернизацией»? Чьим голосом является журнал? Кучки упертых маргиналов-интеллектуалов, «ископаемых марксистов»? Или его устами глаголет некая объективная истина? Так ведь не только его устами! Совсем недавно с самой высокой трибуны было сказано, что главное на сегодня – «гражданский мир». А разве это не признание того, что в стране уже два десятилетия не прекращается ползущая гражданская война? От Куршавеля до Куцевской одно и то же. В больнице, в вузе, в погребальной конторе, на дорогах. Власть воюет с «гражданским обществом», мэр с горожанами, производитель с потребителем, продавец с покупателями, чиновник с обывателями, «Большая фарма» – с медициной, малая – с пенсионером, врач – с больным, учитель – с учеником и его родителями, инспектор ГИБДД – с водителем, водитель Бентли – с водителем жигуленка... А на экранах и сценах? – Кровь, смешанная со спермой и разведенная слюною бешеной собаки! Сегодня невозможно определить, где кончается экономика, политика, культура, а где начинаются криминальные разборки и психиатрия. Капитал делает бизнес на самых чудовищных пороках людей. Чувствуя свою безнаказанность, он ведет себя, как в завоеванной стране. И вот ему уже помогает «полиция». Сегодняшние ежедневные новости сильно смахивают на фронтовые сводки. Вот и ждет терпеливый обыватель: кого еще убили, зарезали, взорвали, подожгли? Сколько миллиардов украли, сколько

увели в оффшоры, спрятали в зарубежных банках, где они «работают» на чужое благополучие, сколько «заработала» элита на нищенствующих «работягах», на бездомных детях, на лекарствах для стариков, на алкашах и наркоманах? А недавно мэр одного сибирского города в телеэфире уже «поставил вопрос» об «отстреле бомжей». Вот где равенство: олигарх платит те же проценты со своих миллиардов (если платит), что и бабуля, живущая в избушке на курьих ножках. А чего ждать от общества, где узаконено социальное хищничество? Где хватучее «священное и неприкосновенное» «мое» и слышать не хочет об общем, о «нашем». Неудержимая экспроприация последнего сулит катастрофу. Так на что же надеется «стабилизация»? На ту добродетель русского народа, которую в числе прочих не забыл упомянуть «Вождь» в своем победном спиче, – на терпение? Нет! Так жить нельзя!

Несколько столетий назад один неглупый человек, весьма опытный в государственных делах, очень хорошо сказал: «Надежда – хороший завтрак, но плохой ужин». Эти слова Ф. Бэкона прозвучали незадолго до того, как в Англии разразилась гражданская война. А другой неглупый человек, тоже англичанин, уже современник гражданской войны, Т. Гоббс, построил для общества, в котором «человек человеку – волк», первую теорию гражданской войны как «войны всех против всех». Государство, власть и право у Гоббса – смиренная рубашка, ограничивающая самоубийственную свободу хищных молекул. И если вы оставляете неприкосновенным частно-эгоистический принцип общественного бытия, альтернативой гражданской войне может быть только сильная государственная власть, твердая рука «старшего брата», наводящая «порядок» в кипучем «человейнике». Вот и качайте свои «права» в границах этого порядка. Кесарю – общее, «наше», а индивиду – частное, «мое». Именно на этом колеблющемся «консенсусе» стоит расхожая идея «гражданского общества». И эта же дихотомия рождает ностальгию по «державному» порядку.

Кто-нибудь из либералов или «державников» вразумительно объяснил нам причины этой внутренней гражданской войны? А на мировой арене? Разве не тот же самый феномен нескончаемые локальные войны? Все это, вместе взятое, факт или не факт?

Журнал как коллективный исследователь и репортер **смотрит в корень**. Больному обществу нужна альтернативная перспектива и альтернативная социально-экономическая, политическая и культурологическая «медицина». Шоковой все уже сыты по горло. Где искать эту альтернативу? В вывихнутых мозгах яйцеголовых постмодернистов, страсть как любящих цирковые «альтернативы», или в объективной реальности? Журнал настойчиво ищет ответы в самой истории, в ее противоречивых тенденциях, исследует альтернативные возможности, отказываясь от фаталистического понимания истории. В центре его внимания новые явления и тенденции, неизвестные классическому марксизму.

Теоретическая позиция журнала – **критический марксизм**. Он критичен прежде всего к своим собственным теоретическим основам и следует заповеди: «Для диалектики нет ничего раз навсегда данного, безусловного, святого». Эта позиция альтернативна марксизму догматическому, семидесятилетнее господство которого привило людям аллергию. Многие отечественные «теоретики» самого этого слова стонут как чумы, что, впрочем, понятно: пуганая ворона и куста боится. Поэтому на фоне мировой философской и общественно-политической мысли поза этих «теоретиков» смехотворна. Нечто вроде ксенофобии наоборот, от усердия. Журнал правильно делает, публикуя на своих страницах тексты западных авторов, которых не назовешь марксистами. Их взгляд отрезвляющий. Критика догматического марксизма в журнале **конструктивна**. Она подпитывается анализом новых явлений и тенденций, что дает основание именовать этот марксизм **творческим**.

Цель этих заметок не аналитическая. Речь идет об общем впечатлении, которое остается у одного из читателей по прошествии времени. Среди нескольких важных теорем, на мой взгляд, **доказанных** в журнале, главная – следующая: **пока жив капитал, будет жива и марксистская, социалистическая альтернатива**.

Подход журнала продуманно **исторический**. Это чрезвычайно важно. Отличительная черта «Альтернатив» – стремление проследить и понять **связь времен**. Он и стал приглашением к размышлению о том, **что было, что есть и что будет** или должно быть, если роса очи не выест. Долгое время казалось, что окно в историю и в завтрашний день захлопнулось намертво и заросло мифами, баснями, софизмами, сплетнями, просто наглой ложью геббельсовского размаха. Особенно это касается истории Октябрьской революции и «реального социализма». Стало казаться, что исчезло и прошлое и будущее, а осталось только самодовольное, не ведающее сомнений настоящее. Современный манкурт не любит, не знает и не желает знать отечественную историю. Его интересует лишь одно: синица в своей руке, а не журавль в общем небе. Вследствие этого хозяином жизни и стал **хам**. Хамство в человеческом общежитии – явление почти столь же древнее, как и само общежитие. Новое в том, что хамство стало стандартом, образцом для подражания, оно уже почти идеал. Журнал взялся за задачу **оздоровления общественного сознания**, «очищения интеллекта» и ученого, и обывателя от мифов и мороков последних десятилетий.

Среди других доказанных (и фактически, и логически) теорем наиболее важными представляются следующие.

1. История «реального социализма» противоречива. В ней боролись две противоположные тенденции: социалистическая, рожденная Октябрем, и антисоциалистическая, умерщвлявшая ростки самодетельного исторического творчества трудящихся во всех сферах жизни.

2. Социальное творчество масс и создало тот материальный, интеллектуальный и нравственный потенциал, который и по сей день «жирные коты» все никак не могут

окончательно разворовать, распродать, распылить. Это социалистическая составляющая советской истории.

3. Сталинизм враждебен и идее, и практике социализма. В нем не было ни грана социализма.

4. Отождествлять «коммунистический» режим с коммунизмом недопустимо. Этот режим антикоммунистичен по своей природе. Коммунистического в этом режиме было не больше, чем национального в самодержавном режиме немецкой династии.

5. Коммунизм – не идеал и не состояние, а действительное историческое движение из царства нужды в «царство свободы», где всестороннее развитие каждого станет условием всестороннего развития всех. Тезис совсем не новый. Нова и фактическая, и теоретическая аргументация, основанная на анализе тенденций постиндустриального общества, в котором капитал уже подошел к своим собственным пределам.

6. А все это вместе взятое и означает, что коммунистический идеал вовсе не утопия. Он – картина не столько воображаемого прекрасного будущего, сколько негативный образ отвратительного настоящего. Именно поэтому он неустрашим.

Хотелось бы высказать и пожелания журналу. Думается, что пространство альтернатив может и должно быть расширено.

1. Подходя к делу критически, журналу можно было бы пожелать проанализировать вождьленную идею либерализма – идею «гражданского общества», вспомнив хотя бы, как аттестовал ее диалектик Гегель: «духовное царство животных». Общество частных лиц, изолированных индивидов нуждается как в своем собственном дополнении в стоящей над ним власти. В фундаменте этой идеи – порочный круг: управление общими делами общества приватизировано бюрократией, а частные интересы генерализованы и превращены в универсальный принцип. Общее стало частным, а частное – общим. Доминирует частное. Государственные проблемы превратились в канцелярские, а канцелярские стали государственными.

2. Сегодня все самые острые конфликты окрашены в национальные цвета. На страницы журнала просится **тема нового интернационализма**. Глобальный капитал, рыночный фундаментализм – сила не интернациональная, а **антинациональная**. Интернационализм – не бледная вытяжка тождественного «абстракта» из национально разнообразного, не разность, а сумма национально своеобразного, не взаимная исключительность, но взаимозависимость и следующая из нее взаимная дополнительность, стало быть, и солидарность.

3. Исламистский, православный, имперский, монархический и любой другой национализм – не альтернатива бульдозерной логике глобализма, а его дополнение, просто другая сторона. Здесь, как и в других случаях, мнимые противоположности оказываются тождественными. Противопоставить с фактами в руках этим псевдоальтернативам альтернативы подлинные – задача, значение которой трудно переоце-

нить. Таким образом, **превращенные формы национального самосознания** – еще одна важная тема.

4. Ходовой когда-то тезис о доминировании «великодержавной нации» сегодня в применении к России безнадежно устарел. Вымывание из экономики и из культуры русского национального элемента – **факт** слишком очевидный, чтобы его нужно было доказывать. Взгляните хоть на телеэкран, хоть на любой столичный или провинциальный рынок, и доказательства будут, что говорится, «на лице». Доминирует однако опять-таки не «инородный» элемент, а глобальный капитал. Для него и соплеменные «гастарбайтеры» – удобные новые рабы. Выяснение исторических, социально-психологических и иных обстоятельств, порождающих эту превращенную форму, – еще одна важнейшая задача. Позади черкизовы стоят не «лица кавказской национальности», а те же самые олигархи, давно уже покинувшие Кавказ и психологически, и географически. Они там же, где и «новые русские».

5. Допустимо ли забывать, что фашизм в Германии пророс и быстро завоевал «жизненное пространство» после Версаля? Потерпевшая поражение страна была унижена, растоптана, обобра. Всем, кого тревожит призрак «русского фашизма», следует почаще вспоминать об атлантизме. Действие и рождает противодействие, но, как слишком часто бывает в истории, – не адекватное, превращенное.

6. Противоречия формирования и эволюции национального самосознания (опять-таки не в этническом, а в историческом смысле) – вот что хотелось бы видеть на страницах журнала.

Суть дела в том, что Россия оказалась первой страной, многонациональной нацией, связавшей свою судьбу с социализмом. Русский массовый элемент возглавил движение народов к социализму. В первой половине XIX в., в период революций, на Западе Россию ненавидели как силу реакционную, как «жандарма Европы». В XX в. ее стали ненавидеть как силу освободительную, революционную, а сейчас русское ассоциируется с мафиозностью. Не напрасно Москву называют «столицей миллиардеров», «новых русских»: какая у них «национальная принадлежность»? Со второй половины XIX в. русское уже ассоциируется с освободительным движением, с революцией и социализмом. Что привлекало самые светлые умы Запада в советской России, почему вплоть до позорных процессов второй половины 30-х гг. Москва была для многих из них Меккой?

Гоголь писал: «Истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа». В XX в. это уже не рабский, а **освободительный дух**. «Сарафан» – это царистские и вождистские иллюзии и геральдические «гремушки». А разве русская освободительная идея не была общей для всех народов России? Разве не с этим духом многочисленные народы России связали свое национальное возрождение, а в ряде случаев и просто рождение? Всем нам памятен недавний нервный поиск «русской идеи». А топор-то лежит под лавкой! Русская идея и для народов

России, и для всего мира есть освободительная, революционная, социалистическая идея. Именно она потрясла мир. В нынешней «гражданской войне» социальное приняло превращенную форму межнациональных обид и подозрений. Может ли справиться с этой проблемой художочный «цивилизационный подход»? Имя Отечества в «платочках рассоплено»!

В журнале глубоко и разносторонне осмысливается советская история. Хотелось бы, чтобы альтернативный господствующему умонастроению анализ был распространен и на дореволюционную историю. Поколение, «рожденное в года глухие» ажиотажного разворовывания национального богатства, не знает этой истории. Оболгана и она. Нынешняя «светская чернь» враждебна и духу народа и стилю его жизни, гоголевскому «сарафану». («Сарафан от Кардена» – не мерзость ли?).

И последнее. Культура мысли неотделима от культуры чувств, прежде всего – **социальных чувств**. Важнейшие из них – чувство социальной справедливости и чувство Родины. Они нераздельны. Эмоционально оскопленный интеллект бесплоден. Один из самых отвратительных продуктов позорного авантюризма рыночных реформ – выжигание идеи социальной справедливости и оболгание идеи патриотизма. Само слово «патриот» было поставлено рядом со словом «фашист» патриотами атлантического «отечества», где у них уже находятся и «нажитое непосильным трудом», и «жилплощадь», и дети, наследники. Ничто великое не вершилось в истории без **социальной страсти**. И во все века чаяние социальной справедливости и было такой великой страстью. Даже рождение христианства было одним из исторически конкретных выражений «упований» на «царство справедливости» и на возмездие («Но есть, есть Божий суд, наперсники разврата!»), но водворялось это царство на небеса. А на земле, в России чаяние «вольности святой» увязывалось с «отчизны призываньем». Так будет, пока человек остается человеком. Эта двуединая социальная страсть творила и славную историю и великую культуру Отечества.

Задумавшись, читатель, какая сила вырвала из глубины сердца «умнейшего человека девятнадцатого века», нашего солнечного поэта, нашего веселого Пушкина вот эти раскаленные строки:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.

Слова, которые не встретишь и у Некрасова. Строки эти написаны в 1817 г.! Вот какую жертву потребовал обычно равнодушный к «заботам суетного света» Аполлон! Что это – заклинание или пророчество? И кому они адресованы? Ведь не «властителя» же «слабому и лукавому», не «плешивому щеголю»! Он и не стоил таких слов. Они обращены к трону и династии, к символу унижения Отечества и порабощения ее народа, к «тиранам мира», – всем, от царя до олигарха.
